

которыми никакие гонорары угнаться не могут. Кстати, о гонораре: теперь я получаю за стихи десять рублей за строку, а статьи по три за строку. Это минимум, поэтому, если "Южное слово" за стихи заплатит больше, я не откажусь.

Мне бы очень хотелось, И. А., чтобы вы прочли все мои новые стихи, что у Гроссмана: я в них сделал попытку подойти более реалистически к современности (в цикле "Личины", стих. "Матрос", "Красногвардеец", "Спекулянт" и т. д.), и мне бы очень хотелось знать ваше мнение.

Я еще до сих пор переполнен впечатлениями этой зимы, весны и лета: мне действительно удалось пересмотреть всю Россию во всех ее партиях, и с верхов и до низов. Монархисты, церковники, эсеры, большевики, добровольцы, разбойники... Со всеми мне удалось провести несколько интимных часов в их собственной обстановке..."

Это письмо было для меня последней вестью о нем. ...

Раиса Гинцбург ЧАСЫ НЕИЗГЛАДИМЫЕ

Когда мне было еще лет девять, Максимилиан Александрович, приглашая взрослых в мастерскую на беседу об искусстве или на вышку, где он читал стихи под звездами, всегда приглашал и меня с моими девочками-подружками. И, может быть, эти часы, неизгладимые, не сметенные всей жизнью, и сделали то хорошее, что помогло мне почувствовать себя человеком. Эти ступеньки лестницы в мастерской, на которой я сидела девочкой, может быть, и стали теми ступеньками, которые ведут меня сквозь уныние и темноту⁶²³.

... Он сам позвал меня на лекцию свою об искусстве в мастерской, и я уселась на нижней ступеньке лестницы, под окном. ... Помню, он на вышке читал стихи свои - и, вероятно, тогда я поняла свое призвание. ...

Раз в сумерки он подошел к нашему окну в страшной маске и, кажется, с палкой, и очень перепугал. Тогда вообще была "година ужасов": рассказы о мальчике, в которого летели все камни (я так и не знаю до сих пор, правда ли это, но о бедном мальчике все в Крыму говорили⁶²⁴). Эренбург приезжал из города, из Феодосии, с рассказом о каких-то летающих часах. Марс должен был столкнуться с Землей в феврале, даже было точно число известно.

Но помню отчетливо, что моего отца⁶²⁵ Максимилиан Александрович спас от белых.

Потом мы уехали из Коктебеля.

От высокого белого дома, между серыми маслинами, по громкому гравию дорожки быстро шел Максимилиан Александрович. Он поднялся на террасу стремительно и уверенно. Он позвал мою маму. Я стояла у толстой колонны и, угнетенная тревогой всего этого дня, прислушивалась. Не слыша тихих слов, я поняла, что Максимилиан Александрович успокаивает, что-то обещает.

Сумерки. Быстро наступила ночь. Я с мамой вышла на шоссе, надеясь встретить папу. Но он не пришел из Феодосии. А в Феодосии, в "списках" была оценена его голова как "красного". Мама сказала мне об этом тихим, недрогнувшим голосом. Ее белая блузка чуть

---

⁶²³ 418 С раннего детства у Р. М. Гинцбург было слабое зрение. К концу жизни - когда писались эти воспоминания - она почти полностью ослепла.

⁶²⁴ 419 Крымские газеты в августе 1920 года, в дни господства белых в Крыму, писали о пастушке Кузьме Сорокине, который невидимыми (предполагалось небесными) силами будто бы был осыпан камнями за то, что отбил кусок от надгробия.

⁶²⁵ 420 Отец Раисы Гинцбург - Моисей Исаакович Гинцбург (1877-1940) революционер (член РСДРП с 1902 года), журналист (псевдоним Даян), профессор психологии.

виднелась в темноте. Мы постояли у гудящего столба у мостика и вернулись домой. Мама покормила нас мелкой, как орешки, картошкой - меня и четырехлетнюю сестру. Я лежала, слышала, как шумит прибор. Папа не пришел.

А утром по гравию дорожки шагал белый генерал, белые офицеры. Мама не велела нам спускаться с террасы. Какие-то мальчишки за кустами ограды, на дороге, пели что-то про жидов и красных. Генерал с офицерами зашли в дом Максимилиана Александровича. Мама мне ничего тогда не говорила. Но когда на следующий день ушли белые и папа, живой, усталый, был с нами, я узнала, что Максимилиан Александрович спрятал его от белых в своей постели.

Прошло несколько лет. ... В те дни все готовились к его именинам, приготавливали какие-то чудеса, всякие веселья, киносъёмку, и все были счастливы. ... Меня трогает до сих пор, что он чужой, резко спорящей девчонке все объяснял; раскрывался перед чужой, очень самоуверенной юностью...

Коктебель тогда, в мой первый самостоятельный приезд, стал моей "человеческой родиной". ...

На следующее лето я приехала [снова] и жила несколько месяцев. Помню, когда я, приехав, вошла во двор, выбежал мне навстречу незнакомый человек, взял у меня из рук чемодан и проводил меня к Максимилиану Александровичу. Мы все помнили правило каждого приезжающего в Коктебель: "Относись к каждому приезжающему как к своему личному гостю". Этого хотели Максимилиан Александрович и Мария Степановна. ...

Он никогда не забывал заботиться о развитии своих молодых гостей. Он всегда поднимался к нам в "Гинекей"⁶²⁶ позвать на чтение или рассказы в мастерской. ... Я не могу опять не говорить, как он старался, чтоб мне не было одиноко, - он говорил мне о дружбе, предлагал мне называть его коротким его именем, говорил мне "ты". Помню, я за что-то обиделась на него, и он первый сам поднялся за мной в Гинекей звать меня с собой гулять. Я дулась, и не пошла...

Он знакомил меня со всеми и, представляя, называл меня "поэт", - чему я смущалась и радовалась и хотела им быть.

В Коктебеле было много личных драм, и Максимилиан Александрович с Марией Степановной ночей не спали и страдали, что даже здесь люди не могут быть счастливы.

Раз я пришла к нему в слезах, желая рассказать, как зло со мной поступил один его гость, - и Максимилиан Александрович отказался слушать мою жалобу потому что он не хотел плохо относиться к кому-либо из своих гостей и предпочитал не знать о них плохого⁶²⁷. ...

Кажется, в лето 28-го года приехала слепая Валерия Дмитриевна⁶²⁸, и Максимилиан Александрович всегда вставал и переходил в то место, где Валерия Дмитриевна думала, что он стоит, он никогда не позволял ей говорить с пустым пространством. ... Максимилиан Александрович не относился к людям тепло он ко всем относился горячо, и редко к кому холодно... ...

С кем бы меня ни знакомил Максимилиан Александрович, он всегда представлял меня: "Ася Гинцбург, поэт".

Я смущалась, протестовала:

---

⁶²⁶ 421 "Гинекей" (в Древней Греции - женская половина дома) - так называлась комната для одиноких женщин во флигеле волошинского дома.

⁶²⁷ 422 11 декабря 1917 года Волошин писал художнице и поэтессе Е. П. Орловой: "Когда кто-нибудь дурно и осуждая говорит и сплетничает о других, это всегда исповедь - бессознательная и потому очень страшная в своей откровенности" (цит. по копии, снятой с оригинала в архиве М. С. Володиной в конце 60-х годов)

⁶²⁸ В. Д. Жуковская (урожд. Богданович, ок. 1860-1937) - родственница А. К. и Е. К. Герцук.

- Какой же я поэт?

Но Максимилиан Александрович, так продолжая поступать, отвечал:

- Если сейчас не поэт, должна им стать.

И если я стала поэтом, то, думаю, это сделал Максимилиан Александрович.

Максимилиан Александрович заботился о моей работе. Однажды зимой я получила от него письмо, где он объяснял, какие упражнения он считает необходимыми для меня, и почти требовал, чтобы я их делала и посылала ему на исправления. Он всегда толкал меня к работе. ...

Максимилиан Волошин ДЕЛО Н. А. МАРКСА

Генерала Никандра Александровича Маркса⁶²⁹ я узнал очень давно как нашего близкого соседа по имению: он жил в Отузах⁶³⁰, соседней долине. Узнал я его первоначально через семью Нич. Вера⁶³¹ была подругой его падчерицы Оли Фридерике⁶³² - и долго гостила у них в Тифлисе и проводила часть лета в Отузах - в Отрадном. Так называлась дача Оли, построенная на берегу моря, в отличие от старого дома в Нижних Отузах, в сторону шоссе, где был старый дом и подвал.

Н. А. по крови является старым крымским обитателем, и виноградники, которыми он владел в Отузах, принадлежали его роду еще до екатерининского завоевания. По матери он происходил из греческой семьи Цырули, которая за сочувствие русскому завоеванию получила в дар ряд виноградников в Отузах, имеет там на вершине одного из [холмов] - при выходе из деревни - родовые усыпальницы.

Судьба Маркса была нормальная судьба человека, с юности поставленного на рельсы военной службы. После корпуса он попал в военное училище, а после - на службу кавказского наместника, где прослужил мирно и успешно лет тридцать. Постепенно, в свои сроки, ему шли чины. В 1906 году он был уже в генеральских чинах⁶³³. Но здесь произошло очень важное отступление. В России веял либеральный ветер. Он коснулся и Маркса. Он в это время прочел Льва Толстого. Его затронул его протест против войны. Он ездил с Олей в Ясную Поляну, познакомился с ним лично, беседовал и вскоре покинул военную службу, а позже (в генеральских чинах) поступил вольнослушателем в университет⁶³⁴. Окончил его, защищал диссертацию и был приглашен на кафедру палеографии в Археологический институт, где читал курс в течение нескольких лет по древнему Русскому праву. В эпоху Первой государственной думы он примкнул к народным социалистам и фракции трудовиков.

---

⁶²⁹ 423 Никандр Александрович Маркс (1860-1921) - генерал-лейтенант, палеограф, профессор археологии, крымоведа и фольклорист. Дружба с Н. А. Марксом была для Волошина большим подспорьем в его крымском бытии.

⁶³⁰ Отузы - татарская деревня в 8,5 километрах от Коктебеля (в сторону Судака), ныне Щебетовка.

⁶³¹ Вера Матвеевна Нич (по мужу Георгиевич, ?-1918) - феодосийка, директриса частной гимназии.

⁶³² 424 Фридерике Ольга Владимировна (1877-ок. 1900) - дочь первой жены Н. А. Маркса - Аделаиды Валерьевны (урожд. Чарыковой, в 1-м браке Фридерике, 1857-1921) - писательницы.

⁶³³ 425 Чин генерал-майора был присвоен Н. А. Марксу в декабре 1906 г

⁶³⁴ 426 В университете Н. А. Маркс не учился. Он окончил (в 1910 г.) Московский археологический институт.